

Понимание принципа *sola Scriptura*

Майкл Крюгер

Наш мир полон конкурирующих утверждений об истине. Каждый день нас осыпают заявлениями, что нечто – истина, а другое – ложь. Нам говорят, во что верить и во что не верить. Нам просят поступать так и не поступать по-другому. В своей ежемесячной колонке «Что я знаю наверняка» Опра Уинфри говорит нам, как надо распоряжаться своей жизнью и взаимоотношениями. Передовица «Нью-Йорк Таймс» постоянно говорит нам, как мы должны относиться к серьезным нравственным, юридическим и общественно-политическим вопросам современности. Ричард Докинз, британский атеист и эволюционист, говорит нам, как надо думать о нашем историческом происхождении и о месте во вселенной.

Как же нам разобраться во всех этих заявлениях? Откуда люди знают, что думать об отношениях, нравственности, Боге, происхождении Вселенной и многих других важных вопросах? Чтобы ответить на такие вопросы, людям нужен какой-то эталон, стандарт или критерий, на который они могут ссылаться. Другими словами, нам нужен высший авторитет. Конечно, у каждого есть какой-то высший эталон, к которому он обращается, сознает ли он это или нет. Некоторые обращаются к разуму и логике, чтобы рассудить между конкурирующими утверждениями об истине. Другие обращаются к чувственному опыту. Иные же ссылаются на самих себя и на свое субъективное восприятие. Хотя в каждом из этих подходов есть какая-то истина, в прошлом христиане не принимали их как высший критерий знания. Вместо этого Божий народ повсеместно принимал, что есть лишь одно, что можно законно использовать как высочайший стандарт, – Божье Слово. Не может быть авторитета выше, чем сам Бог.

Конечно, мы не первое поколение, которое сталкивается с конкурирующими утверждениями истины. По сути, Адам и Ева столкнулись с этой дилеммой еще в самом начале. Бог ясно сказал им: смертью умрете, если съедите от дерева познания добра и зла (Быт. 2:17). С другой стороны, змей сказал им обратное: «...Нет, не умрете» (Быт. 3:4). Как же Адаму и Еве следовало рассудить между этими конкурирующими утверждениями? Эмпирически? Логически? По тому, что казалось им верным? Отнюдь, был только один стандарт, к которому они должны были обратиться, чтобы принять решение, – Слово, сказанное им Богом. К сожалению, этого не произошло. Вместо того чтобы обратиться к Божьему откровению, Ева решила самостоятельно разобраться в этом вопросе: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз... и взяла плодов его и ела...» (Быт. 3:6). Не думайте, что грехопадение заключалось лишь в том, какие плоды ели Адам и Ева. Сама суть грехопадения была в том, что Божьи люди отвергли Его Слово как наивысший стандарт для всей жизни.

Если же Божье Слово – наивысший стандарт для всей жизни, то следующий вопрос крайне важен: куда нам за ним обратиться? Где его найти? Этот вопрос, разумеется, ведет нас к одному из главных споров протестантской Реформации. Хотя власти Римско-католической церкви были согласны, что Божье Слово – это наивысший стандарт для всей жизни и учения, они считали, что это Слово можно найти не только в Писании. Рим утверждал тройную структуру авторитетов, включавшую Писание, предание и учительство церкви (Магистериум). Ключевым компонентом этого тройного авторитета был Магистериум, то есть авторитетное учительство Римско-католической церкви, выражавшееся главным образом в папе. Поскольку папа считался приемником апостола Петра, его официальные заявления (*ex cathedra*) считались словами Самого Бога.

Именно в этом вопросе реформаторы не сдавали своих позиций. Признавая, что Бог разными способами давал Слово Своему народу до Христа (Евр. 1:1), они утверждали, что больше не следует ожидать продолжающегося откровения после того, как Бог уже прогово-

рил в Своем Сыне (ст. 2). Писание ясно говорит, что апостольское служение предназначалось для выполнения разовой задачи в истории искупления – заложить основание церкви (Еф. 2:20). Закладывая это основание, апостолы главным образом передавали церкви залог авторитетного учения, подтверждавшего и применявшего великий искупительный труд Христа. Таким образом, книги Нового Завета – неизменное воплощение учения апостолов – нужно считать последней частью Божьего откровения Своему народу. Только эти книги, вместе с Ветхим Заветом, по праву можно считать Божиим Словом.

Эта убежденность в принципе *sola Scriptura* (что только Писание – Божье Слово, а потому единственное непогрешимое руководство для жизни и учения) воспламенила Реформацию. Действительно, этот принцип признавали «формальной причиной» Реформации (тогда как принцип *sola fide*, «только верой», признавали «материальной причиной»). Дух этой доктрины выражен в знаменитой речи Мартина Лютера на Вормском рейхстаге (1521), когда от него потребовали отречься от своего учения:

Пока я не опровергнут свидетельствами Писания или ясными доводами, – ибо я не верю ни папе, ни соборам; известно, что они часто заблуждались и противоречили сами себе, – меня осиливают приведенные мною слова Писания. А поскольку моя совесть в плену у Слов Бога, я ни от чего не могу и не хочу отречься, потому что опасно и невозможно идти против совести. <...> Да поможет мне Бог. Аминь.

Для Лютера Писание и только Писание было верховным судьей в том, во что нам следует верить.

Разумеется, как и многие важные христианские принципы, учение о *sola Scriptura* часто неверно понимают и применяют. К сожалению, некоторые используют *sola Scriptura* как оправдание индивидуалистического подхода «я, Бог и Библия», когда церковь не имеет реального авторитета, а историю церкви не принимают во внимание при толковании и применении Писания. Таким образом, многие церкви сегодня практически оторваны от истории, полностью отказавшись от богатых традиций, символов веры и вероисповедных документов церкви. Они ошибаются, считая, что смысл *sola Scriptura* в том, что Библия – единственный авторитет, а не в том, что Библия – единственный непогрешимый авторитет. Как ни странно, такой индивидуалистический подход в действительности подрывает тот самый принцип *sola Scriptura*, который он должен бы защищать. При чрезмерном внимании к автономии отдельного верующего остаются только личные субъективные суждения о смысле Писания. В таком случае возвышается не столько авторитет Писания, сколько авторитет человека.

Реформаторы не признали бы подобное искажение за свой принцип *sola Scriptura*. Напротив, они весьма умело опирались на Отцов церкви, церковные соборы, символы веры и вероисповедные документы церкви. Такая укорененность в истории считалась не только средством сохранения ортодоксии, но и средством сохранения смирения. Вопреки распространенным представлениям, реформаторы не считали, что они предложили что-то новое. Наоборот, они полагали, что возвращаются к чему-то очень старому, во что церковь изначально верила, но впоследствии извратила и исказила. Реформаторы были не изобретателями, а археологами.

Есть и другие крайности, от которых нас защищает принцип *sola Scriptura*. Хотя мы, безусловно, хотим избежать индивидуалистической и неисторической позиции многих современных церквей, *sola Scriptura* также предохраняет нас от навязывания правил и от возвышения символов веры, вероисповедных и других человеческих документов (или идей) до уровня Писания. Нам всегда следует быть настороже, чтобы не допускать тех же ошибок, что в Римской церкви, и не принимать, скажем так, «традиционализма», когда стремятся ограничивать совесть христиан в тех сферах, где Библия этого не делает. В этом смысле *sola Scriptura* стоит на страже христианской свободы. Но самая большая опасность в связи с принципом *sola Scriptura* не в том, что его неверно понимают. Самая большая опасность в

том, что о нем забывают. Мы склонны размышлять об этом принципе исключительно в рамках споров шестнадцатого столетия, словно это лишь отголоски давних разногласий между католиками и протестантами, уже не актуальных в наше время. Но для современной протестантской церкви это учение нужно больше, чем когда-либо. Уроки Реформации по большей части уже забыты, и церковь вновь начала полагаться на наивысшие авторитеты вне Священного Писания.

Желая вернуть церковь к принципу *sola Scriptura*, следует понимать, что мы не сможем этого добиться, если будем только объяснять сам этот принцип (хотя и это нужно). На самом деле, основной способ, как можно возратить церковь к этому учению, состоит в том, чтобы проповедовать само Писание. Только Божье Слово в силах изменять и реформировать наши церкви. Поэтому мы должны не только говорить о *sola Scriptura*, мы должны показывать этот принцип. И поступая так, надо проповедовать все Божье Слово, а не выборочно брать свои любимые тексты или тексты, которые, по нашему мнению, хотят слышать в нашей церкви. Мы должны проповедовать только Слово (*sola Scriptura*), и мы должны проповедовать все Слово (*tota Scriptura*). Эти два принципа тесно связаны. Когда они соединены силой Святого Духа, можно надеяться на новую реформацию.

Источник: <http://www.ligonier.org/blog/understanding-sola-scriptura/>. Перевод на русский язык и публикация на сайте propovedi.ru осуществлены с разрешения. © Ligonier.org